

Кристина Новосельцева-Рено

ПРОДАВЕЦ МИНУТ

Кристина Новосельцева-Рено

Продавец минут

«Издательские решения»

Новосельцева-Рено К.

Продавец минут / К. Новосельцева-Рено — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936139-4

Пять стран и тысяча изменений. Путешествие по Европе и внутри себя. Забытое прошлое и туманное будущее. Кто этот продавец минут, который идет по пятам каждого человека? Познакомьтесь с Кэри, и она расскажет, что такое минутаоборот по курсу евро. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-936139-4

© Новосельцева-Рено К.
© Издательские решения

Содержание

1. Москва	6
2. Л'Эстартит	9
3. Трамонтана	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Продавец минут

Кристина Новосельцева-Рено

*Иногда нужно впустить в себя тоску, провалиться в неё,
раствориться, и тогда она обязательно вознаградит тебя новым
знанием и глотком света в конце.*

Фотограф Анна Медведева

Оформление обложки Александр Рено

© Кристина Новосельцева-Рено, 2018

© Анна Медведева, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4493-6139-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Москва

Люблю Москву. Я прилетела ранним утром, но всё время сеял дождь, а небо будто приплыло сюда из Питера. Промокло всё. Кости стали склизкими.

В аэропорту дуло, холодило. Мне не дал деньги банкомат, к которому я тащилась километр с чемоданом, потому что не могла сдать багаж без налички. Сняла с комиссией. Багаж не принимали. Нет, ничего запрещённого, просто грузчика не было на месте. Полчаса.

В автобусе я купила карточку с одним проездом, а в метро – с двумя, но выкинула, перепутав, неиспользованную, и меня прищемило турникетом.

Я встретила со знакомой, опоздав на встречу на целый час, потому что вышла не с той стороны на пересечении трех станций метро.

После того, как она ушла, я просидела в Макдаке ещё минут сорок, чтобы прошёл дождь, и я смогла поехать на мою любимую ВДНХ.

Накрыло такое беспомощное чувство: время есть, а я его не использую, будто бы устала в начале путешествия. Либо боюсь. Точно, это всё страх нового, от него у меня эти настроения и апатия. Не знаю, что будет. Ну и не надо! Будет хорошо, это точно. Просто не выпалась и дождь, холодно, сонно, и в метро прищемило...

Я отправилась на Красную Площадь, там, если что, ГУМ спасёт.

Спас, хоть на улице и была пёстрая ярмарка с большим щелкунчиком и рядами ярких ягодок-матрёшек. Кстати, одну я купила – собираюсь покинуть родину надолго, должно же у меня быть напоминание.

В ГУМе чуть не уснула, но спасли китайцы, которым я почему-то полюбилась. Они часто ходят и смотрят на русских восторженными глазами, и если вдруг губа у тебя дрогнет (от холода свело) или улыбнёшься невзначай, обязательно здороваются, и, кажется, ещё чуть-чуть, и побегут жать руки.

Дождь не проходил, а время – да.

Я сидела в кафе аэропорта одна и ела цветную капусту. Из хаотичных шумов складывалась своеобразная гармония.

Мимо проходили люди: цыганка в шлёпках-каблуках, в юбке с воланами и в повязанной на голове косынке, стриженная под мальчишку худенькая девушка, дама-груша с иконописным лицом, коротыш-папаша с малюсеньким ребёнком на руках. Деревенская пара в годах фотографировалась возле кафе, где сижу я.

Малыш с синими глазами подбежал и говорит: «Ням-ням!» Я кивнула, он улыбнулся. Семья откуда-то с ближнего зарубежья: смеются, едят, быстро разговаривают. Ко мне подошёл парень: высокий, бородатый, в очках:

– О чём вы думаете?

– Вот прямо сейчас, в данную секунду?

– Да.

– Что за человек ко мне подошёл? Насколько безопасно с ним контактировать, а то тут у барной стойки как в стойле ругались. Радар работает.

– И что показывает?

– Вроде не сигналист: бросай всё и беги!

– Это хорошо.

– А вы о чём думаете?

– Что гармония здесь превращается в какой-то хаос. Надо спасать.

– И как?

– Хорошим разговором.

– Что по вашим меркам – хороший разговор?

– Например, сейчас.

– Гармония восстанавливается?

– Ну да.

Электронный голос внезапно разрезал ниточку между нами словами о том, что объявляется посадка на самолет в Варшаву, которая так долго откладывалась. Мой собеседник остолбенел:

– Кажется, гармония здесь так и не наступит. Оставляю вас в хаосе, – он взял салфетку со стола написал что-то, завернул, чтобы не было видно букв, – прочтёте, когда прилетите на место назначения.

– Солнца вам в путь.

Спрятала бумажку в передний карман рюкзака. Прочту, когда прилечу – люблю сюрпризы. А бумажные письма – ещё больше.

Я уснула в самолете.

Мужчина с чемоданчиком, в рубашке парусом, подпоясанный ремнём из 90-х. Стрижка под 0,7, квадратная челюсть, безликие глаза. Про него говорят только шёпотом, он всегда поблизости, и как только чувствует твою потребность, сразу появляется с вежливым предложением:

«Хотели бы вы не лететь пять часов в самолёте, а сразу оказаться в нужном месте? Не слушать крики жены, не стоять в пробке? Быть на занятиях, но не тратить на них время? И при этом заработать?»

Это возможно. Просто продайте свои минуты, по серебряному за одну, от вас ничего не требуется, только согласие.

Из ваших ненужных минут можно создать целую жизнь, отдать тому, кому не хватает времени, при этом сэкономить ваши нервы и силы. Вы получите деньги прямо сейчас. Почему нет? Это совсем не больно».

Я проснулась в холодном поту.

Почему чувства во сне ярче, сочнее, отчетливее? Наверное, потому что подсознание чисто и открыто, не зашоренно будничностью, не заперто страхами.

Сон показывает, на что способна наша душа, какой эмоциональный диапазон мы можем задействовать. И наша задача в реальности – вытащить эти способности наружу.

Мой озноб пробуждения пронёсся, кажется, по моим соседкам: я сидела между двумя тётушками в самом удобном ряду – первом. Было куда сложить ноги, до туалета недалеко, а ещё нас постоянно навещали дети, которые не могли высидеть и получаса на своих местах и тянули за собой полусонных пап-мам на прогулку по салону.

Правая соседка принялась отпаивать меня чёрным, как задница дьявола, кофе, а другая отрезвлять чёрным же шоколадом. Никто из них не хотел есть мои шоколадные конфеты с орехами, дамы признавали только чистый продукт, видимо.

Впрочем, они оказались вовсе не занудами. Пышноволосяя светлоглазая Тамара, летевшая к дочери в Фигерас, или в его окрестности, рассказывала о том, как съездила в Питер на встречу выпускников спустя сорок лет после окончания вуза. Как ходила навещать дом, где в семнадцать ей была отведена маленькая комната с её любимым подоконником, как трогала стены университета и прогуливалась теми же путями, что и все студенческие годы.

Анжелика, цепляющая выпученными глазами и орлиным носом, жаловалась на авиакомпанию, рассказывала про вчерашние поминки недавно умершей подруги, сыпала историями из жизни и сетовала на сына, которого вырастила одна, а он поступал в МГУ три раза без чьего-либо вмешательства, и был отчислен столько же, поскольку ему лень на лекции ходить:

– Вот ты – девочка-умница! Мало того, что заработала на свою машину, так не побоялась продать и махнуть одна в чужую страну и надолго. У тебя всё получится.

Да, я продала своего маленького дракона, на котором летала пять лет. Как только выплатила кредит до конца. На следующий же месяц купила билеты.

Мы смотрели на Пиренеи, которые принимали за Альпы. А может быть, это были Альпы. Тётушки щебетали, желали мне всего, чего я так хотела.

Самолёт сел, а я всё никак не могла выйти с первого сидения: мой рюкзак был слишком тяжёл, чтобы я вытащила его сама. Перегородив дорогу белобрысому здоровяку, я вскричала: «Помогите, пожалуйста, а то я никогда отсюда не выйду!» Он помог, и наконец моя нога ступила на неизведанную заграничную землю. Нога в двух носках и осеннем сапоге. Тело в трёх кофтах и пальто. На дворе плюс тридцать. Тётушки уже давно убежали, я одна. Кругом – Испания.

Паспортный контроль оказался мучением: после того, как я не сказала по-испански год своего рождения, несмотря на то, что идеально произнесла день и месяц, меня отправили дожидаться повторного собеседования. Блин. Неужели отправят назад? Учитывая мой московский уик-энд, не мудрено. Я не могу позвонить никому с российской симки, роуминг ещё не очухался.

Двести моих соседей по самолёту протекали мимо со счастливыми лицами и заветными печатями в маленьких книжках. Из плотного блока перед турникетом они распадались на десятки кусочков, словно этот блок перемальвали в мясорубке. Минуты тянулись долго – хоть продавай.

Кто-то говорил: «Всё нормально будет, сейчас пропустят». Кто-то улыбался. Ко мне отправили ещё двух неудачников. Наконец меня призвали к повторному собеседованию: поставили перед окошечком. Человек в форме ещё не успел раскрыть рот, как я вывалила на него поток испанско-английской речи:

– Я учила испанский, просто, когда вас увидела, заволновалась...

– Все нормально, у вас есть бронь?

– Нет, я еду к друзьям в Л'Эстартит.

– Отлично, – короткий диалог был разбавлен постоянными «ноу проблем» и «окей».

Но заветная печать всё никак не желала поцеловать мою бумагу.

– Как долго вы собираетесь гостить у своих друзей?

Если скажу, что три месяца... Он же не сможет проверить:

– Две недели.

– Окей, – бум, печать наконец добралась до цели.

Я вышла красная и потная получать багаж, рыскала глазами и вдруг услышала:

– Кэри!

Обернулась и впервые в жизни увидела её.

2. Л'Эстартит

Мой испанский сосед – знатный травокур.

Когда выхожу на балкон, и там никого нет, я глазею на море, звёзды или гору. Он появляется как-то бесшумно, обычно когда я делаю дурацкие вещи: смеюсь в небо, напеваю детские песенки, прыгаю или накручиваю на голове смешной пучок.

– Ола!

– Ола!

– Ке таль?

– Муй бьен! Грасьяс! Комо эстас?

– Бьен.¹

И я ухожу с балкона – его очередь делать глупости.

Другой сосед – нафталиновый секс-символ с уродливой собачкой Гоку. Я первое время думала, что это мужчину так зовут, но он оказался банальным Хуаном с небанальной внешностью: седые волосы до плеч, кудрявые, зачёсанные назад; адское пламя в мутных глазах; полтора метра до макушки; все пальцы в перстнях; спортивный костюм супермена плюс туфли с длинными носами. Всегда вежлив, но если зайдёшь в лифт после него, приходится ехать четыре этажа без дыхания, если не хочешь опьянеть.

В этой части средиземноморья как раз любят заниматься дайвингом, авось пригодится такое умение.

А ещё здесь всё время надо улыбаться, ага. И незнакомые здороваются, постоянно называя красоткой («гуаппа»). И марихуану раздают на каждом ночном углу.

Люблю этот дом. Он находится в маленьком городке Л'Эстартит возле островов Медес. Сто двадцать километров до Барселоны, сорок – до провинциального центра Жироны. Несколько сотен жителей и тысячи туристов, что приезжают семьями к ласковому морю. Они везут детей играть с чистым песком, а по ночам прячут их в комнаты, чтобы запах марокканского продукта (плода грустной любви Мари и Хуана) не достиг маленькие носики. А сами отправляются в бар.

Скалистые острова Медес (единственные на безостровной Коста Браве) выглядят, как Мертвая царевна или Спящая красавица, в зависимости от погоды и настроения: на фоне неба вырисовывается чёткий женский профиль, устремлённый вверх. Правда, когда я указала местным на эту схожесть, кто-то спросил, не попробовалась ли я местного «продукта», кто-то не увидел очевидного, а кто-то вмиг стал суеверным: «Зачем ты мне это сказала? Я ж теперь спать не буду. Жутко».

– Ола!

– Ола!

– Комо се яма?

– Карина. И ту?

– Микки. Энд зис из Микки ту.²

Я посмотрела удивлённо, как на близнецов. Не помню, как по-английски будет, но он ответил:

– Как нас различать. Я – тот, что симпатичнее, ок?

Обаятельный мужчина, с глазами, слегка занавешенными пеленой нахальности. С длинными волосами, бородой. Большие руки и крепкий, крепкий. Рок-звезда из туманного Аль-

¹ Привет! Привет! Как дела? Очень хорошо! Спасибо. Как дела? Хорошо.

² Привет! Привет. Как тебя зовут? Карина. И тебя? Микки. И это – тоже Микки.

биона. Я забыла о нём, как только мы добрались до моря, хотя, перейдя через дорогу, оглянулась в его чайный взгляд.

Я триста лет не была в ночном клубе. А в испанском – с прошлой жизни. Наверное, мои минуты в таких заведениях кто-то покупал, поэтому я просто ничего не помню, а на самом деле – знатный тусовщик.

Чего они все такие низенькие? Хотя бы были французы, у них язык красивый. Так много латинцев, вот и бачата. Ух, кавалеров-то сколько, глаза разбегаются. Ладно, потанцую с этим. Он что-то быстро говорит.

– Но абло. Ё эстудио эспаньол.

– Байламос?

– Си!³

И тут началось. Я танцевала до этого бачату раза два. В России. Мне казалось, что в городе, где я живу, в Красноярске, на это танцевальное направление записываются только мужчины, которые больше нигде не могут женщину потрогать, но тут... Мадрэ миа⁴. Руки умелые, каждая мышца его тела излучает ритм, рядом с этим гепардом я ощущаю себя бревном. Его колени обнимают мои, но это не неприятно, потому что чувствуешь: это у него в крови, так надо, всё идет правильно. Закрываешь глаза и понимаешь, что попал в «Грязные танцы 2» случайно, только не ты приехал на Кубу, а Куба сюда.

Все вокруг танцуют, и ты не думаешь ни о чём, и вот ваши бедра уже приросли друг к другу, вы двигаетесь, как одно целое, порождение музыки. Чувствуешь его дыхание на своем плече, опускаешь руку, он кладет свою ладонь на твой живот и показывает волнообразные движения тазом, и это почему-то так естественно для меня, такой недотроги. Через минуту я очнулась:

– Но кьеро. Байламос, онли байламос.⁵

Я так и не выучила испанский. Точнее, выучила, насколько смогла сама, но приехала в Каталонию, тут – каталанский... Поэтому моя речь с иностранцами – ужасающий микс из английского, испанского и «крокодила». Но музыка вновь уводит, и мне уже нравится его ароматное тело, так крепко прильнувшее к моему. Бачата закончилась.

– Грасьяс!⁶

Он не уходит, он хочет угостить меня коктейлем. Он хочет ангажировать следующий танец. Да-да, только мне нужно припудрить носик – я в дамскую комнату, на минуточку.

– Хэлло! – возле заветной двери меня остановил оклик.

– Хэлло, хау ду ю ду?

– Муй гуаппа!

– Грасьяс.

– Вонт зе шот?

– Но, но, сенкью!⁷

Не пью уже больше года. Нет, я никогда не пила в принципе, просто по праздникам могла пропустить коньячку или шампанского, да, чего было, то и пропускала. И вдруг поняла, что мне это не доставляет ни удовольствия, ни расслабления. Зачем? А ещё вычитала, или кто-то сказал, что спирт – единственное, что попадает в стерильную матку и может поразить яйце-

³ Не говорю. Я только учу испанский. Танцуем? Да!

⁴ Мамочки.

⁵ Не хочу. Танцуем, только танцуем.

⁶ Спасибо.

⁷ Привет! Привет, как дела? Какая ты сегодня красотка! Спасибо. Хочешь шот? Нет, спасибо.

клетки, поэтому у здоровых женщин иногда рождаются больные дети. Не знаю, насколько это правда, но мне почему-то втемяшилось в голову.

Микки уже исчез. Через пять минут появился не латинец, а англичанин. С тремя шотами кровавого цвета. Я взяла и отвернулась, чтобы он не видел, что не пью, но Микки ждал стопку обратно и не понимал, чего я кручусь. Люси закивала, типа: «Пей, ты чего!» Я как раз простыла, ладно, это будет лекарство. Жгучая сладость продрала горло. Музыка стала веселее, мои движения – плавнее. Микки исчез.

Через минуту я наткнулась на его глаза в другом конце зала, он отвел их, будто не пялился только что неотрывно. Почему мужчины так делают? Как хотите, молодой человек. Тут напротив меня уже полчаса танцуют такие ровные зубы. И их владелец, ростом под два метра, весьма красив. Наверное, француз: легкая небритость, глубокие голубые глаза, тонкий аромат. Да, ладно, я в них не разбираюсь, просто тут много французов. Им до нашего моря сорок километров езды.

– Франсес?

– Но. Русо.

– Русо?⁸ – и счастья в глазах столько, словно я – Дед Мороз.

Русо здесь любят, в магазинах скидки делают, просят сфотаться. Коктейлями бесплатно пьют. Русо в Испании – хорошо.

Микки остолбенело воткнул свой взгляд в мои зрачки. Парень, ну а что ты хотел? Я на дискотеку пришла, а не в монастырь. Иди, работай. Вообще-то он работал в ресторане, не знаю, чего тут забыл. Видимо, подменяет кого-то или нахватал работы...

– Комо се яма? – француз вернул меня в танец.

– Карина! И ту?

– Бруно!⁹

Мы пытались выяснить информацию друг о друге и хохотали над общим дурным английским. Танцевали все песни, быстрые, испанские, вдвоем, за руки, обнявшись. Я знала, чувствовала, что он безопасен, что можно этой ночью танцевать сколько угодно, он даже не поцелует. А я так не люблю целоваться.

– Импосибле! – это он о нашей беседе.

– Си, си!¹⁰

Кем работаешь? С моим знанием языков, я поняла, что он перепродаёт землю, наверное, связан как-то с кадастровой системой.

– Бьютифул войс!¹¹

Я знала единственную испанскую песню и подпевала. Микки косился с барной стойки, я обняла Бруно крепко, чтобы он не видел, куда смотрю, и показала глазами англичанину, что как бы ничего серьёзного, просто так вышло, просто танцуем. Чего-то он, такой весь опасный, стал нравиться мне сильнее, чем безопасный француз. Микки помотал головой, взмахнул ладонями, типа «всё понимаю, это ерунда».

Бруно не отлипал, я устала танцевать, друзья Люси разом исчезли, и она сидела одна.

– Ай шуд го. Май френд из элон.

– Ёр герлфренд?¹²

– А-ха-ха!

⁸ Французенка? Нет. Русская. Русская?

⁹ Как тебя зовут? Карина! А тебя? Бруно!

¹⁰ Невозможно! Да, да.

¹¹ Красивый голос.

¹² Я должна идти. Моя подруга одна. Твоя любовница?

Ещё один танец, ладно. Микки, кажется, уже по-настоящему обиделся. Пришли друзья Бруно, началась веселая карусель. Марсель, Мишель... Забыла. Да-да, а-ха-ха, си, бали, муй бьен... Самое время свалить.

– Файв минутс, ок?

– Вэйт ю.¹³

Я схватила маленькую ручку и понеслась в спасительную дамскую комнату:

– Люси, пошли в туалет, я устала от него.

– Он очень красивый, надеюсь, испанец? Вы так много разговаривали!

– Француз, завтра сваливает в Тулузу.

– Тьфу-ты, блин. А лысый на меня смотрел?

– Косился на твою задницу, всё время!

– Правда? А как?

Люси семнадцать лет, мы живём в соседних комнатах, и смеёмся каждый вечер до боли, а потом наперегонки – в туалет. Так пресс и накачали.

– Твой Бруно – очень красивый, но мне кажется, ты сильно нравишься Микки...

Мы вышли из туалета и кого же встретили? Конечно, моего англичанина.

– Вонт шот?

– Но-но, грасьяс!¹⁴ – я схватилась за его плечо, словно не могла устоять от обаяния.

Он обнял меня... за плечи. Ба, серьезно? Почему не за талию? Потому что видел, как я убираю чужие руки, или сам боишься? Он что-то говорит, я смеюсь и только повторяю: «Си, си!»¹⁵

– Люси, что он сказал?

– Говорит, встретимся завтра или на следующей неделе?

– Йес, оф корс!¹⁶

Бруно машет гигантской лапой с танцпола. Невежливо тут стоять, я же обещала вернуться. И друзья моей малышки тоже пришли, так что она ускользнула в толпу. Ещё полчаса инвалидных попыток разговора, беспорядочного смеха и серьёзности глаза-в-глаза. Но я предусмотрительно оставляла озорной огонёк, сигнализирующий: «Нет-нет, дорогой, ничего не будет!» Так что я всё же ушла к Люси, оказавшейся снова в одиночестве от схлынувшей толпы испанцев. Только лысый пялился на её зад.

– Иди к своему французу, ты что, мне совсем не скучно, я, кстати, вас на видео снимала!

– Люси, я хочу с тобой!

Мы смеялись, танцевали, и вновь лезвия глаз Микки. Вновь друзья Люси и бачата с испанцем на этот раз, такая спокойная, не экстазная. Бруно ушёл пить, сидел грустный. Микки прошастал мимо раз шесть, каждый раз что-то говоря, но я...

– Кэри, пора домой, завтра вставать рано.

– Си, си!¹⁷

Микки исчез, а мы даже не попрощались...

– Я забыла сказать Салиме! – Люси вдруг вскрикнула, мы развернулись у выхода и поскакали, сломя голову, на танцпол, одетые, в самую гущу толпы.

И тут меня схватила горячая рука, не оборачиваясь я поняла, кто это.

– ...маньяна... семана?

¹³ Я на пять минут, хорошо? Жду тебя.

¹⁴ Хочешь шот? Нет-нет, спасибо!

¹⁵ Да, да

¹⁶ Да, конечно

¹⁷ Да, да

– Си, си, оф корс!¹⁸

Чмок-чмок в обе щёки, пальцы в ладони зажаты чуть дольше, чем требует приличие.

Назавтра он не появился. Через неделю – тоже. Зато были веселые негры-мулаты, широкоплечие французы и пьяные долговязые англичане. Тьфу-ты.

В детстве я всегда хотела оказаться на море – двоюродный брат ездил, дяде на работе давали бесплатные путёвки для сына каждое лето, а у меня никак не получалось: папа – милиционер, мама – учитель музыки. Какой ты нафиг танкист?

В девятнадцать лет я впервые поехала на море. И испугалась! Мы отправились в Сочи с ребятами из университета (отличникам давали бесплатные путёвки на черноморье) и ехали целых четыре дня в поезде. Это, кстати, дополнительное приключение. И вот, я проснулась в четыре утра, не спал только один парень, а я взглянула в окно, увидела бесконечную чёрную дыру и объёмные молнии над ней:

– Что это?

– Море.

Меня затошнило, а в голове зазвенели болевые колокольчики – первый признак стресса.

В море я зашла на пятый из четырнадцати дней путешествия и каждую ночь видела во сне потопа, кораблекрушения и цунами. С тех пор боялась моря даже на видео и фотографиях.

Прошло слишком много лет. Шесть. Однако, никогда не поздно бороться с собой. Единственный способ навсегда расстаться со страхом моря, как мне подумалось, – идти к нему ночью. Одной. И решила сделать это сейчас, в Испании.

Сначала я гуляла по пляжу метрах в тридцати, слушала слюнявый цокот волн. Потом пошла на дамбу. Страшно было подниматься на возвышенность и увидеть перед собой чёрный простор неизвестности. Сама вода меня никогда не пугала, а вот именно море... неизведанность, что ли. Неуправляемость. Море, что откликнется внутри?

Я дошла до крайней точки пологого подъёма, но взобраться на смотровую площадку не могла. Однако из ниоткуда рядом появился рыбак и как раз направился вверх. Без него я, наверное, не решилась бы. А может быть и взобралась, потому что впереди остров, загораживающий бесконечность.

За оградением оказалась чернота и громкость. Я дышала глубоко и медленно, попробовала закрыть глаза, но стало, кажется, только страшнее. Посчитать до десяти. Ещё раз.

Привыкла к бесконечности во тьме, прислушалась и поняла, что боюсь одного. Что море покажет мне что-то, чего не выдержит мой разум. Но на это есть душа. Именно её мне и покажет море? Но я уже не боюсь.

После этой ночи я стала каждый день ходить к воде, даже когда непогода. Не потому, что любила её, а потому, что боролась с собой. После этого похода стало легче знакомиться, привыкать и погружаться в стихию. Иногда мне казалось, что я уже нащупала: вот как нужно вести себя с морем, но оно тут же давало хлебнуть соли или кидало, высоко и неожиданно. Это как жить.

Несколько дней я привыкала к Испании, но они пролетели, словно кто-то покупал время не минутами, а днями. Небо покрылось панцирем туч, так похожих на чешую, что кажется, если до него дотронешься, обнаружишь, что оно металлическое. Море не впускало в себя людей, ему хотелось быть наедине с собой.

Мысли мои были мрачными. Я поправилась. Конечно, есть брауни с тирамису на ночь. Но это же меня не парило, всё было нормально, почему беспокоит теперь? Ступор: я перестала

¹⁸ ...завтра... на неделе? Да, да, конечно.

писать. А когда я не пишу, я – никто, от этого паршиво. Я не могла ни с кем познакомиться... Были парни, но это всё несерьёзно. Были красивые мужчины, но все женаты. Сексуальные, активные, красивые и весёлые, но – женаты. Ребят, чего вы женились-то? Вы же европейцы, что не могли меня дождаться?

В России я специально сходилась с подружкой Крис в ЗАГС. Нет, не жениться, конечно. Но она закончила курсы организатора свадеб, где одна девочка рассказала ей, что вышла замуж по поверью: нужно отнести туфли на ночь в ЗАГС, и в течение года сменишь статус на «жена». Крис предложила испытать ритуал. А я так долго отходила от последних отношений и сказала ей, мол не готова, с собой надо разбираться, все дела. А она: «Ты никогда не будешь готова. Когда, как не перед путешествием попробовать. Найдёшь европейца себе». И я рискнула: ну-ка пошли, проверим. Поход был, кстати, грандиозный.

Крис работала с 11:00, мы встретились в автобусе в 9:00, к тому времени я уже продала машину, чтобы уехать в Испанию. Мы вышли не на той остановке, Крис сказала, что нужно в ЗАГС по ул. Ленина, а я помнила, что она пересылала мне адрес на пр. Мира, это заведение я знаю, в прошлом году именно там замуж выходила моя подруга. Стали проверять сообщения, я оказалась права, поэтому идти пешком пришлось ещё целый километр.

Мы забрались по ступенькам старинного маленького, но удобного и торжественного здания в классическом стиле. Крис дёрнула ручку – не поддаётся. Мы округлили глаза, ведь смотрели расписание накануне, да и на двери красовалось: с 9:00 до... Не судьба, что ли?

– Кэри, нам, наверное, рано ещё.

И тут мы услышали стук каблучков: по ступенькам взбиралась сахарная блондинка лет на двадцать нас старше. Маленькой ручкой с аккуратно выкрашенными ногтями она легонько потянула дверь и процокала внутрь.

– Крис, ты это видела? Нормально, да?

Мы прошагали по выстланному коврами мягкому полу, наши шаги не отдавались. Сахарная подняла чётко прорисованную бровь, мы с Крис стояли, как первоклашки.

– Здравствуйте, а где можно туфли оставить?

– А, так вы замуж собрались? Скорее сюда! – и она засеменила, улыбаясь ямочками на щёчках.

От неё словно разлеталась блестящая пудра, как от Крёстной феи. Женщина завела нас в комнату, где за большим круглым столом сидело еще несколько фей разного возраста, они попивали чаёк из белых кружечек, от каждой из которых был оттопырен мизинчик. Девочки запорхали ресничками.

– Они хотят туфли оставить.

– Ах! Ох! Как замечательно! Замуж собрались! – защebetали принцессы, – Как здорово, молодцы, подняли с утра настроение!

– За мной, девочки! Оставить туфли прямо здесь мы не можем, у нас сегодня две регистрации, но ведь важно, чтобы они просто переночевали? Уберём их в шкаф, – черноволосая краснотубая Белоснежка отвела нас в «Кабинет», – завтра зайдёте сюда. Только с конфетами!

– Естественно. Спасибо большое.

На другой день мы прибыли как положено, с конфетами. Мы попали прямо между свадьбами. Одна регистрация прошла, гости фотографировались, невеста болтала с мамой. Вторая регистрация готовилась: кругом мелькали оранжевые юбки в белый горошек. Феи удивлённо запорхали ресницами вновь.

– Мы за туфлями...

– Ах, ох, конечно же, – полился переливистый смех, – видишь, Жанночка, девочки тоже решили замуж выйти с помощью туфель, – хм, значит, не мы одни.

И вот я в Испании с этими самыми туфлями. За кого?

– Как мы сегодня учили английский? – я спросила Люси, чтобы она не уснула за столом.

– Слушали детскую песенку «Джонни-Джонни, йес папа»!

– Точно, ха-ха-ха! – мы кормили маленькую Лючию, сидели с малышом по вечерам. – Интересно, а способность говорить на определённом языке передается половым путем?

– Вот было б прикольно. Много языков можно было бы выучить, – Люси знала четыре хорошо и два – плохо, и всё сама выучила, без вмешательств.

– Только не с нашими успехами у парней, малышка!

– Только не с их успехами у нас!

Двухлетняя Лючия захохотала, как дед: хрипло, смачно, с покашливанием. Она говорила на четырёх языках: каталанском, английском, украинском и с моим приездом на русском. Правда, на каждом по несколько слов, но всегда точно знала, кому на каком объяснять, что ей надо.

– Люблю шишу, – Люси выдыхала дым через нос.

Мы сидели одни в маленьком лаундже, сложив ноги на мраморный стол. Хозяин дал нам вейп. Я уже пробовала раньше, но этот вкус был лучше, а дым, какой же чудесный дым! Однако мы вернулись к консервативному кальяну.

Кольца из дыма всё не получались, и вот, наконец-то одно, идеально кругленькое, взволновалось разок и поплыло. Сквозь дыру кольца я увидела в окне проезжающей мимо машины светлые длинные волосы и бороду. Сразу поняла, кто это.

Мы с Люси начали делать фото на телефон, смеяться громко. Интересно, что в России я селфи никогда не делала, да и в заведениях не особенно фоталась, а Люси учила меня быть красивой всюду и наслаждаться этим.

Испания делала из меня женщину. Не в прямом, конечно, смысле, это со мной сделала жестокая Сибирь, но вот энергетику, кокетство, любовь и красоту всюду, какую-то неистовую женственность, – всё это она вытаскивала из каких-то уголков моей души. Или это Украина, затерявшаяся в Люси, достаёт из меня красоту? Люси – украинка. Ей семнадцать, а мне двадцать пять. Однако, она мудрее меня в тысячу раз. И женственнее.

– Ола!

– Ола! Хау а ю? Донт смоук вери мо!¹⁹ – потом куча английских слов, и – исчез.

– Чего это он не целуется? И что-то слишком весело болтает... – колокольчик зазвонил в груди.

– Ну он из другой страны, в Англии так не принято.

– Всегда целовался... А, ты посмотри, он с девушкой! – мы могли говорить на русском в полный голос, нас никто не понимал, главное – держать непринужденную интонацию.

Микки пришёл не один, рядом сидела худая бледная черноволосая грустноглазая... А мы начали веселиться в два раза больше. Странно, такого со мной и в юности не бывало, а в молодости – и подавно. Все отношения были от ума. Видимо, пришло время быстро проходить этапы взросления в делах сердечных, чтобы догнать норму своего возраста. Но почему-то мне это нравилось. Нравилось позволять себе кокетничать, чувствовать чуть-чуть жгучей ревности и ловить испуганный замороженный взгляд Микки, улыбаться его пассивности. Что со мной?

– Что он сказал, Люси?

– Не курите много, пожалуйста.

– А мне показалось: курите много!

– Гоу ту Джинджер? – это клуб так назывался, Микки звал нас туда.

¹⁹ Привет! Привет, как вы? Не курите слишком много!

– Туморроу.²⁰

На улице он веселился в два раза больше, зная, что я смотрю сквозь стекла панорамных окон.

– Ты только завтра не морозься, если он подойдет. Это единственный хороший мужчина для тебя здесь. И вообще, забудь, что это грёбаное село!

– А я и не буду. Мне какое дело, я буду вести себя, словно не видела никакой гёрлфренд.

– Правильно.

Небо затянулось тучами, а голова – грустными мыслями. В этом случае мне всегда помогает письмо. Писать от руки, по бумаге, – некая терапия, выписываешь из себя то, что мучит, и оно начинает существовать отдельно, ты можешь рассматривать это как объект, а не просто страдать. Я писала в довольно счастливом дневнике:

«Возвращается чувство, когда я заставляю себя что-то делать, ковыряюсь в себе. Мне здесь всё хорошо, но я вновь одна, вновь домосед, вновь ребёнокосед, вновь ребёнок. За меня беспокоятся хозяева квартиры, за мной ухаживают, берегут как маленькую, я здесь не равный, я – ребёнок. Всё время – тишина, всё время – прислушивание к себе.

Нужно смотреть не в себя, а извне. Что там снаружи. Чем больше внимания к себе – тем сильнее депрессия, чем больше внимания наружу, тем интереснее жить. Мой рецепт.

Что же должно такое появиться во мне, чтобы я смогла стать счастливой? А счастливой женой, любимой женщиной? Гармония, которую я смогу дарить кому-то? Желание? Должен исчезнуть страх.

Я на море, в другой стране, но не внутри культуры. Мне нужно погружение, люди. Барселона идеальна для этого: море, народ, архитектура, события, креатив, неожиданность. Но занесло-то меня сюда, к островам Медес. Барселона маячит лишь в ноябре, а пока: старички, семьи и юные ребята. Для чего дано мне это время? Чтобы я поняла, что надо быть самостоятельной, большой, а я – трусиха. Надо брать и делать, надо впускать жизнь, а я заперлась от неё на замочек. Что ж, понемногу будем стараться».

Пираты заполонили город. На Сантане, торговой улочке в Л'Эстартите, развесили «сохнуть» белое бельё между домами, а внизу – мертвых пиратов, точнее, уже скелетов, установили бочки, пушки, инсталляции. Даже Джек-Воробей прибыл. Корабль из 19 века, песни всюду, пушки, в порту тьма людей.

В Л'Эстартите трехдневное праздничное пиратское шествие. Оркестр, толпа, палатки на улицах. Продают красоту всякую: свечи, мясо, вязаные вещи, мозаику Гауди...

Мой пират увидел меня и развернулся так, что даже стакан на его подносе дрогнул. Значит, в Джинджер придет не один. Я шла с ребёнком на руках, а коляску толкала впереди, посреди толпы. Он толкался среди десятка столиков с полным подносом, но почему-то наши глаза врезались друг в друга.

Лючия сказала: «Кака!» – мы понеслись домой с другого конца города, поскольку проталкиваться в кафе в поисках детской комнаты в этом безобразии было риском. Малыш без колебаний сел в коляску и выдержал наш путь скоростью двадцать километров в час. Эти минуты можно было бы и продать...

Снова я танцевала с кубинцами, перуанцами и прочими горячими красавчиками, что дышали мне в ключицу, и делали это, даже если бы не хотели, ибо рост их заканчивался где-то на указанном уровне. Микки не было.

– Гляди-ка, как он долго на тебя смотрит!

²⁰ Идёте в Джинджер? Завтра.

Я повернула голову к стойке бара и увидела промельк взгляда.

– Кэри, ты видела, что он сделал? Он что, дурак? А-ха-ха, разве мужчины так делают? Делают. Сегодня уже видала. Значит, не один.

– Хеллоу! Веселитесь?

– Да, все круто, как сам?

– Всё хорошо. Смотри-ка, Люси, этот пират, кажется, в тебя влюблён... – но смотрел Микки совсем не на пирата.

– Он опять тебя не поцеловал. Смотри, он оставил её одну, стоит там разговаривает с мужчиной, смотрит на тебя...

– Дурак, я бы ему ничего против не сказала, если бы он стал со мной танцевать.

– Байламос?²¹ – красивоглазый мужчина вынырнул из гущи пьяных пиратов.

– Ба, да неужели ты из Гондураса?

– Си!

– Байламос, амиго!²²

Мы возвращались домой – уже светало. Люси как всегда громко хохотала и призывала меня быть потише:

– Тут написано: «Не шуметь после десяти вечера», – но не сказано, до которого часу. Сейчас пять, может, уже можно?

Я гуляла с Люцией, которой уже устала напевать «Если весело живется – делай хлопок!» и насвистывала мелодию, а она аплодировала, танцевала в «везочке», как называли коляску родители, и смотрела крупными каплями голубящих глаз, обрамленными чёткими длинными ресницами.

В груди зазвенел маячок, я обернулась, увидела Микки, идущего с девушкой за руку, и тоже демонстративно отвернулась. Он завис на одной ноте чуть дольше нужного для его весёлого рассказа, а потом английская речь потекла быстрее, чем за секунду до этого.

Ребёнок протянул мне башмачок: стянула его с ноги.

– Люция, что это? – я имела ввиду «что за выходка» и трясла обувью, сжимая в грозной руке.

– Сапатос!²³ – а взгляд говорил: «Что спрашиваешь, не знаешь, что это?»

Приехало много пенсионеров. Как же здесь мужчины умеют ухаживать за такими некрасивыми женщинами. Честно, некрасивыми, объективно. Жухлая кожа, обвисшая грудь (без лифчика и купальника!), жиры, маленькие глаза, грубые черты лица. Нет, я, естественно, за красоту субъективную, принятие себя и других, какими есть, но в России не так. В России стараются выглядеть хорошо, ухаживают, прихорашиваются, наряжаются. Другой вопрос, чем это оборачивается, но здесь естественность прямо зашкаливает.

Просто мужчины особенно красивы. И они любят этих некрасивых женщин, так трогательно, шепетильно ухаживают, ласкают, наговаривают приятного, словно заклинают всегда оставаться такой.

Я лежу на пляже одна, улыбающимся тюленем, и перекатываю песчинки из руки в руку. В дневник льются «философские мысли»:

«Время-песок. Банально? Но открытие собственное всегда привносит долю новой, пусть и субъективной, истины в старое.

²¹ Танцуем?

²² Да! Танцуем, дружок!

²³ Сапожки.

Время – песок. Зажимаешь его в ладони жёстко и крепко, – он сыпется слишком быстро. Расслабляешь пальцы – ещё быстрее. Чтобы песчинки сыпались равномерно, нужно найти определенное положение руки и распределить силу.

Песок-женщина. Мягкий и жёсткий. Горячий и холодный. Нежит и хлещет. Состоит из маленьких частичек, полных мировых секретов.

Море – как жизнь. Если ты не задашь себе направление, оно затянет тебя далеко от берега, и в конце концов ты не почувствуешь дна, а сил доплыть обратно может не хватить».

Я написала это, и ничего не произошло. Кажется, здесь вообще ничего не может произойти, словно кто-то отвалил мне чужих минут, не спросив, не взяв платы, а я и не знаю, что с ними делать, как использовать.

Мне снился страшный сон. Будто я поехала с Лючией в Иркутск, но ещё по дороге начались крушения: из ниоткуда налетели самолёты, стали бомбить дороги, здания разламывались и складывались, пыля. Я прижала ребёнка к груди, нас окружили военные, я положила девочку на траву и прикрыла своим телом, приготовившись умирать... Минуту кто-то купил, я выжила и проснулась.

Проснулась от вибрации, исходящей от стены. Ребёнок спал рядом в коляске. Бум! Пожар? Что такое? Спросонья я не могла понять, что случилось. Человеческий рык раздался из-за стены. Сосед? Перекурил, видать. Звон разбитой посуды, я кинула взгляд на Лючию – спит. Крушение, бум, бах, rrr...

Балкон соединён с соседским, единственная преграда – металлическая решётка, через которую можно без напряжения перешагнуть. Балконная дверь – стеклянная, правда её можно закрыть пластиковыми ставнями. Входная дверь из пустого дерева, да ещё и со стеклянной вставкой.

Я закрыла её и начала гуглить: как вести себя, если в дом ворвался грабитель/маньяк/убийца. Интересно, даже если я возьму нож, смогу ли ударить им агрессора? Я позвонила хозяину квартиры, и он бежал к нам с работы.

Сосед притих.

Через пару секунд раздался стук в картонную дверь. Кто-то кричал по-испански. Я отвечала на том же языке что-то в роде:

– Кто там? Я не открою. Наш мужчина уже в лифте.

Время замерло: мои минуты кто-то покупал без моего ведома.

Дверь затряслась от грохота. Ребёнок спал. Нож всё так же лежал в выдвижном ящике.

Звук бьющейся посуды из соседней квартиры. Повторный громкий стук в дверь. И спастительный голос, возмущавшийся по-испански, я разобрала только «мухер»²⁴, но поняла, что хозяин кричит на того, кто стучится в нашу дверь. Потом он стал разговаривать с ещё двумя голосами: приехала полиция.

У подружки Люси был день рождения, поэтому я направилась в ближайший отель на бар, после того, как уложила Лючию и дождалась прихода её матери. В отеле работал Олег, хозяин квартиры, в которой я жила, и угощал меня всем, чего только душа пожелает.

В баре было жарко – много народу и танцы-танцы. Я отправилась на террасу слушать престарелое танго. Я бы тоже потанцевала, но как всегда вышла на улицу в самый неподходящий момент. Ко мне подошла старая француженка: скорченная, сморщенная, курящая, обвешанная золотом, но почему-то приятная. Такие своих минут не продают, а оставляют на лице в виде морщин-трофеев.

²⁴ Женщина.

Она говорила на французском, я улыбалась, кивала. Не понимала ничего, но не хотела объяснять. Она попыталась сказать по-испански:

– Я старая – ты молодая. Почему не танцуешь?

– Вы старая? Выглядите на восемнадцать лет! – я ответила по-английски.

Она посмеялась и отошла. Ветром меня сдуло в бар. Там работал Ваня из Украины, молодой и лёгкий. С ним тоже можно было обсуждать любые вещи и смеяться над иностранцами, которые не понимали нашей речи:

– Мерси, мадам! Она сумасшедшая, – он сказал это таким же сахарным голосом, как и первую фразу, восторженно глядя в хмельные глаза престарелой леди.

– Как не стыдно, она всегда сама приносит тебе стаканы.

– И я обожаю её за это.

Француженки вновь стали подходить, такие непохожие на Коко Шанель, а почему-то напоминающие русских бабулек. Кажется, они поняли что-то не то о нас с Ваней, и он начал смущённо оправдываться. Старушки заговорили о том, что мы молодые и должны танцевать.

Прозвучала последняя песня, но я оставалась до закрытия, ждала знакомого: мы вместе возвращались домой. Он однако сказал мне:

– На ресепшне работает болгарин, он профессор-полиглот, может помочь тебе с испанским, подойди к нему на пятнадцать минут.

Я пошла. Он приветствовал на русском, и вылил на меня бесконечный поток слов.

– Может, мне лучше подучить английский?

– Конечно, если ты хочешь путешествовать. Вообще человеку достаточно знать четыре языка: собственный, английский, французский и испанский, – и тогда можно путешествовать по всему миру.

– Действительно. Давайте попробуем с английским. База у меня есть, школа, университет, а вот практики разговорной нет, а мне нужна именно она.

– Хорошо, вот смотри. Самое главное – правильно произносить слова. Часто люди говорят на английском много, но грязно, неправильно. Вот как читается это слово? А почему? Да, и зная данное правило, ты можешь читать все похожие слова как положено...

Он начал чертить транскрипцию, заставлял вспоминать правила чтения... Ну зачем мне это, если я интуитивно применяю эти правила, зачем мне их озвучивать? Мне нужно научиться строить коммуникацию, а не разбираться в историческом словообразовании чужого языка. Его было не заткнуть, самовлюбленная речь с приторным привкусом чего-то переспевшего отравляла. Мой знакомый уже стоял рядом, растёкшись по стойке, и только напряженными глазами высматривал паузу, чтобы выдернуть меня домой. Это с трудом удалось.

– Ну что ты думаешь по поводу его уроков, – голова знакомого звенела.

– Мне сложно сказать.

– Это невыносимо, он не учит, а мучит, и постоянно хочет показать, что ты глупый, а он умный.

– И главное: от него просто так не отделаешься.

– А ещё он учит всех, кто к нему подходит: французов – французскому, англичан – английскому, поляков – польскому. Кстати, один поляк сказал, что в польском этот профессор не разбирается...

В общем, мои уроки окончены. Обменивать минуты на это я не согласна.

На улице меня встретила переполненная красная БМВ, куда я втиснулась растолстевшей за испанские каникулы задницей, мы покатали в «Джинджер» – это Люси с друзьями забрали меня после дня рождения. Не особенно надеясь на приключения, я стояла посреди клуба, пока мы решали, за какой столик сесть, и шарила глазами по залу. Никаких знакомых признаков. Будет невесело.

Давний поклонник Люси сидел и паялился. Он был странный – пас её каждую дискотеку, но ни разу не подошёл поговорить или пригласить на танец. Это бесило уже нас обеих. Пришёл Лью, друг Микки, один. Вертелся позади меня, но даже не поздоровался. Я видела, как он поглядывает в мою сторону и что-то строчит в телефоне. Спустя полчаса я отошла попить, а вернувшись, напоролась на загадочные глаза Люси:

– Сюрприз, смотри-ка, кто здесь.

У меня как-то непонятно защипало щёки:

– Он с женщиной.

– Ну, посмотрим, что будет.

Он был с женщиной, такой немой и скромной. И делал вид, что не видит меня. Парень, этот клуб меньше, чем квартира, здесь все друг друга видят. Испуганные продолжительные взгляды одного предмета преследовали меня из разных концов зала.

Чикито²⁵, друг Люси из Перу, пришёл с девушкой и тоже не здоровался. Люси злилась:

– Что за фигня, будто мы встречались или что-то такое, а теперь он не здоровается, потому что пришёл с девочкой. Чувак, ты каждый день пишешь мне «малышка», и теперь просто не здороваешься? Меня это бесит.

Вечер от этого веселее не становился, а я чувствовала себя в молодёжной комедии на моменте пика неловких ситуаций. Меня пригласил танцевать один парень, совсем молодой, милый, белокурый, светлоокий. Мы с Люси потом смеялись, она спросила:

– Ты видела, как он одет? Рубашка и носки с бегемотами! Сверху свитер.

– Люси, ну что ты, парень прямиком со школы в «Джинджер».

Это было потом, когда он уже потанцевал и с ней, дважды пытаясь её поцеловать. Ни разу эти попытки не увенчались успехом. Но пока я танцевала в его тонких вялых руках, настойчиво не желая сближения, на которое он изредка посягал.

И тут между мной и моим партнёром протиснулась ладонь. Крепкая. Я схватилась за неё не задумываясь, и закружилась, как жаворонок с утра. Микки поймал мою талию, спустился до самого пола, как настоящий латинец, я притянула его наверх за подбородок, мы смеялись, обнимались. С ним я не боялась делать самые небезопасные па. Мой прежний кавалер настиг нас, но я ускакала, как лань, Микки дёрнулся за мной, и мы начали танцевать, как в кино, с разворотами и закрутами, мои ноги летали в разные стороны, мы смеялись, и тут музыка кончилась. Мы, не посмотрев друг другу в глаза машинально развернулись и тихо разошлись. Я почувствовала, что вернулась его пассия, временно исчезнувшая, и почему-то как-то легко удалилась. Кажется, это были минуты не из моей жизни.

Мы с Люси пошли домой, встретив по пути мальчишек, которым нужны были сигареты, но вместо этого они получили получасовую беседу. Один был смешной и явно под чем-то, ибо слишком спокойно и философски настроен в пять утра. Второй напоминал мне первую любовь: чёрные глаза, ямочки на щёчках, ровные белые зубы и смуглая кожа. Даже причёска была такая же. Я улыбалась, не переставая, и думала: «Эх, Митька-Митька! Где ты сейчас?»

– Я сегодня в спортзале и за тебя, и за себя отдувалась... – Люси пришла с тренировки мокрая, как всегда, но счастливая, как иногда.

– Ты намекаешь, что я много жру, и ты худеешь за двоих?

– Микки за тебя спрашивал! – её украинские акценты и предлоги всегда меня умиляли.

– Ух-ты, и что? – я старалась говорить спокойно, но кажется, это старание прошло даром.

– Спрашивал, как ты, моя ли ты подруга, и когда уезжаешь. Да и вообще, не важно, что он спрашивал! Главное – интересовался, Кэри, ты ему нравишься, не тупи!

– Да я знаю, что нравлюсь, только у него уже есть девушка.

²⁵ Мальчишка.

– Да она по-любому была у него до твоего приезда, но он же с ней просто заблядовал. Видно, что он в неё не влюблен, а в тебя – да! С ней он, потому что не знал, на какое время ты приехала, а теперь... Ну всё, держись, девка!

– Ой, как это всё интересно, – я снова позволила себе испытывать эмоции, присущие пубертатному периоду, и, кажется, моя снежносибирская душа оттаивала.

Я шла с пляжа по сияющей от жары плитке, и мне снова запищала машина, я сердито направила взор вверх и увидела знакомую бороду на переднем пассажирском сидении. Лью притормозил, а Микки замахал руками, глаза зажглись зелёным, я послала воздушный поцелуй, а он поймал и съел его. Всё за секунду.

– Привет, ты мне нравишься. Я просто... гёрлфренд... гет лост... ви хэв бин митинг... ай соу ю...²⁶

Люси рядом не было, чтобы перевести его бессвязную (для моего понимания) речь. Да мне и не надо было переводить. Шёл дождь, а я шагала одна к морю, вновь побеждать свой страх. Мимо ресторана, где он работает.

– Но паса нада. Но паса нада.²⁷

– Ты очень красивая, и я потерял контроль...

Да ладно, не надо так много букв. Слоули, слоооуули плиииз²⁸. Нет, льет слова, как дождь, а голос красивый. Глаза такие продолговатые, острые, куда девалась нахальная пелена первой встречи?

– Можно я тебя поцелую?

– Я не люблю целоваться.

Вопрос одними глазами: «Ты уверена?» Впрочем, почему бы и нет?

– Знаешь, есть разные виды поцелуев: испанский, французский, эскимосский. А есть английский поцелуй?

– Закрой глаза.

Я закрыла. Так что такое, этот английский поцелуй? Череда лёгких прикосновений губ вверх по руке, от чего из груди в стороны распространяется мелкая дрожь. Укол языка в шею и цап зубами мочку уха. Попадание в рот не с первого раза, от чего под веками ощущается трепет странных крыльев. Горячий язык, холодный язык, медленность, медленность. Дрожь, словно перед смертью. Главное – не открывать глаза.

Меня заманивали остаться жить в Испании. Мне говорили: поступай в испанский вуз на докторадо (в аспирантуру), проживёшь три года – получишь гражданство, и вся Европа – твоя. А у меня бывает только два состояния: много думаю – не делаю или делаю – не думаю. На тот момент было время второго.

Назавтра я отправилась в Жиронский университет. Горячим утром в пустынном городе я шагала с фотоаппаратом и снимала ягоды и цветы, что выглядывали отовсюду. Маленькие средневековые улочки сменились широкими современными, американскими, что переросли в холмистую дорогу за город. Горы обрамляли Жирону, создавая чувство безопасности.

Университет спрятался в низине. Никого не было на ресепшене, зато в воздухе витал бесплатный вай-фай. Я разослала всем друзьям фото, которые сделала по пути, и рассказала, где нахожусь. Получив порцию поддерживающих букв, я пошла к информационной стойке, а на ресепшене тем временем призраком появился мужчина.

²⁶ моя девушка... потерял... мы встретились... я увидел тебя...

²⁷ Ничего не случилось. Ничего.

²⁸ Медленнее, медленнее, пожалуйста.

– Ола, инглес?

– Но, катала,²⁹ – ответил масляный жиронец.

Беда-дела.

– Докторадо!

– Кватро, – наверх и налево, пальцы объясняют лучше слов.

– Грасьяс.³⁰

Фух. Иду. Вижу кабинет, не вижу препятствий, ан нет, там беседуют, слава богу, повторю вопросы. Накануне я написала вопросы для научных работников на четырёх языках: русский, английский, каталанский и испанский. Чтобы не заходить в кабинет как можно дольше, решила выучить их наизусть. Синее небо глядело в упор: «Иди уже», – и тут из кабинета выскочила женщина-жираф, белокудрая, зубастая.

– Ола!

– Бон тардэ! Инглес?

– Катала!³¹

Я вывалила на неё всё написанное. Получила в ответ кучу слов и поняла, что моя литература здесь не вариант, но они с удовольствием напишут со мной диссертацию по физике или биологии. В смысле, а на сайте была литература...

– Барселона?

Она не знает, нужно обращаться в конкретный университет. Слава богу, грасьяс, адеу³².

– Ты нужен мне не для любви, но для чувства полноты жизни.

– Ват?

– Но паса нада³³, – я не могу сказать эту фразу по-английски, к счастью, потому что если бы ты понимал русский, я бы всё равно сказала.

Мы снова оказались в определённом месте одновременно. Так бывает не только в кино или в «Игре в классиках» Кортасара. Тут, в двадцать первом веке, в маленьком испанском городке тоже бывает. Хотя ты русская, а он – англичанин.

На этот раз Микки рассказывал медленнее, но я почему-то не пыталась понять. Мне нравилось полулежать на его руке, дышать за его ухом, кутаться в шарф. Луна висела гигантским розовым куском над домами, море лизало большие камни, огоньки островов оставляли рыжие дорожки в просторе воды, мы смеялись. Не знаю, от чего я смеялась, мне просто было хорошо.

Я забыла везочек в садике. Теперь все выходные придется укачивать ребёнка на руках. Мадрэ миа, тринадцать килограмм счастья. Лючия, засыпая, думала, что я – мама и тыкалась в мою грудь, пытаюсь схватить:

– Малыш, эта – не рабочая. Мама придёт, когда ты проснёшься, – умные глаза хмурились, голова кивала, рот послушно брал соску.

Маленькая белая ручка сжималась на моей ключице, потихоньку ковыряя ноготком, а через минуту носик грел плечо ровным сопением.

Ребёнок был полностью белым – волосы, ресницы, кожа. Каждый, проходя мимо, считал за долг поздороваться с ней, потрогать, похвалить, подарить что-то или хотя бы удивленно воскликнуть, тыча пальцем: «Рубиа?!»³⁴

²⁹ Привет, говорите по-английски? Нет, по-каталански.

³⁰ Аспирантура? Четвёртый. Спасибо.

³¹ Привет! Добрый вечер, говорите-по-английски? По-каталански.

³² Спасибо, до свидания.

³³ Что? Ничего.

³⁴ Блондинка?!

Ребёнок был умным. Если надо убедить её сделать то, чего она не хочет, достаточно объяснить спокойным голосом три раза, Лючия смотрела серьёзно, кивала смиренно и обречённо делала. Добровольно выкидывала памперсы в мусорку, шла на кухню ко времени еды и сама включала свет, воду и мультики, когда нужно было.

Жиронский кафедральный собор – испанский Хогвартс с громадным нефом, цветным светом сквозь круглые розетки окон и запахом смерти в комнате с костюмами. Это средневековые мультики о создании мира на пятиметровом гобелене. Это англичанка, рассчитавшая тебя на 2,5 евро меньше. Я поняла это и пошла с беседой:

– Айм сорри, бат ай синк, зериз мистейк, – и показала ей количество купленных жестяных коробочек с ментоловыми конфетами и количество напечатанных цифр.

– О, май гад! Сенкью вери мач!³⁵

Средневековые каменные улочки привели меня к черноволосому красавцу, что норovil угостить меня кофе, а потом ушёл к жене. Полный музыки город заставлял приплясывать, еврейские кварталы наводили мысли о Ное почему-то, а Эйфелев мост заставил посмеяться: местные сказали, что башня тоже должна была стоять у них, но... не доехала.

Из перехода на меня набросилась вывеска: «Либрерия хели дес де 1879»³⁶, – и напомнила другую, из детства «Делаем волшебные палочки с 382 г до н.э.».

Книжный магазин среди каменного великолепия сулил лакомую временную дыру (минуты там летели, как пули), я зашла. Ряды книг в старых шкафах до потолка кружили голову, поднимали из подсознания мысли, что роились как мухи каждый раз, как нога переступала порог библиотеки: «Джон Леннон... а это бы я прочитала... точно, надо добить последний год дневника Толстого... опять новая штука по психологии, не... Фромм, милашка, надо вернуться к тебе...» Беда-дела. Запах бумаги, такой родной, буквы на знакомых обложках наверняка красивые, а продавец в толстостёклых очках так уютно кудряв и бородат. Жаль, мне ничего не надо – мне ничто здесь не поможет.

Я вернулась в Л’Эстартит и пошла к скале, на дворе – сиеста, пустота. Только одна спина, да руки, что облокотились на перила, отгораживающие от бесконечности моря. Вода вздымала грудь, норovia дотянуться до мужчины хоть одной капелькой.

Он ещё не заметил моего присутствия, я встала полюбоваться хмурым взглядом вдаль, трепещущими прядями и крепко стиснутыми губами. Они вздрогнули, голова опустилась, лицо закрыли волосы, и из них вдруг вынырнул озорной чайный взгляд. Нет, пора это прекращать. Впрочем...

Микки сорвался с места, подхватил меня, закружил и прижал спиной к себе, а животом к перилам:

– Смотри, там корабль.

– Смотрю, корабля нет, – иногда я так хорошо понимаю английский.

– Ты не видишь его, но он там есть, – сердце его стучалось мне в спину.

Мы замолчали. Английские поцелуи больше не повторялись, да и ничего другого не было. Просто стоим, молчим, обнимаемся. Разве не идеально? Только зачем? К чему?

– Сегодня в кафе приходил настоящий пират. Не такой, как на празднике. Такой, как раньше были.

– Почему ты подумал, что настоящий?

– У него вместо ноги была деревяшка.

– Правда?

³⁵ Простите, но я думаю, здесь ошибка. Боже мой, спасибо!

³⁶ Книжный магазин с 1879 года.

За моим ухом ожил смех и проник в кровь, я чмокнула щёку, такую холодную, бархатистую. В затылок толкнулся горячий выдох.

У меня был выходной, и я снова отправилась в Жирону, каждый свободный день я старалась провести не в Л'Эстартите, чтобы не закиснуть, тем более, это было недорого.

В Жироне есть собор, запертый узкими улочками, так, что из-за тесноты невозможно разглядеть его полностью сразу. Нужно задирает голову, отходить к противоположной стене. Но он очень красивый, и мне повезло: когда я зашла внутрь, там пели. Хора не видно, но звук невероятный. Он словно проникает в тело. И место какое-то очищающее: сквозь тело проходят невидимые волны, они вибрируют и вычищают лишнее, выходишь оттуда как под кайфом.

Я встретила её внезапно. Сидела себе в сквере Джона Леннона (его в Испании любят также, как и я, наверное: даже в самом небольшом городке есть пласа (площадь) его имени), писала и грызла яблоко на смотровой площадке в два квадратных метра.

Вдруг на маленькое пространство, оккупированное мной, ступила нога интеллигентной женщины, которая озиралась по сторонам и приветливо улыбалась. Она заговорила по-английски и спросила, далеко ли река? Когда слушала о том, что она отстала от группы туристов, а ей нужно быть в определенном месте в 12:30, я вдруг спросила:

– Вы русская?

– Да, слава Богу! Когда фотографировала этот чёртов дом с мухами, моя группа куда-то ушла!

Мы пошли вниз, нашли этот чёртов дом с мухами и жиронскую львицу, которой надо целовать зад, чтобы все желания исполнились.

– А вы целовали?

– Нет, я считаю, что счастье – внутри человека, и совсем не обязательно целовать для этого чью-то задницу.

Мы присели на кофе возле собора, и выяснилось, что Леоноре семьдесят семь лет, а я бы дала ей пятьдесят пять. Как только граница СССР стала открытой, она пустилась в бесконечные путешествия: из европейских стран не посетила только Румынию. Зато побывала в Австралии и Новой Зеландии, жила несколько месяцев в США, дала круиз по Карибскому морю, съездила в Японию и частенько гостит у сына в Гонконге!

А в молодости ездила из Москвы в Дивногорск на конференцию, поэтому передала привет Енисею через меня. А я на прощанье подержалась за ее плечо, чтобы заразиться путешествиями.

Лючия выучила песню «Фингер фэмили»³⁷ и попадала во все ноты, на которые хватало диапазона. Мы напевали её, мча на везочке сквозь вечер. Негодовалые чайки окружали нас, они уже привыкли, что мы обязательно поделимся свежим багетом, и готовы были выписывать за него свои цирковые номера.

– Возьми-возьми, – Лючия тянула ручки и голос ко мне.

– Нет, ты тяжёлая.

Она насупилась, дотянувшись губами до носа и сложила руки, обняв себя.

– Лючия, не сердись, спивай песенку.

– Но!

– Ой, смотри, кажется, кошка забралась под машину!

– Какая красивая девочка! – встретить русских в Каталонии несложно, но в Л'Эстартите довольно проблематично.

Пузатый круглолицый мужчина подошёл к нам:

³⁷ Семья пальчиков.

– Это же не ваш ребёнок?

– Мой!

– Не вы его родили?

Лючия начала грозить незнакомцу пальчиком, меня схватила за руку и прижала к щеке.

– Почему?

– Вы слишком молоды. Хочешь конфету?

– Но! – этот ангелок мог превратиться в дьяволёнка за секунду, перемена обычно смешила.

– Ладно, понял, я пошёл.

То-то же.

Небольшой звонкий скутер подъехал к остановке: я ждала автобус на Фигерас. Сквозь стекло шлема наездника в мою сторону сочилось тепло взгляда. Ой-ой, кажется, Дали придется ещё немного подождать моего визита.

Я села позади водителя, обняла уже ставшую знакомой спину и закусил губу. Мысли вылетели из головы от удара его сердца. Неужели я влюбилась? Мне же не семнадцать, ах, да что там... Сладкий ветер щекотал нервишки внизу живота, и пахло от мужчины так вкусно: листвою, утренней пеной для бритья и особенным личным ароматом. Так банально? Неужели, правда, влюбилась?

Море мчалось мимо, острова Медес мелькали женскими профилями, чайки сыпались с неба, как дождь из гвоздей, утренние лучи стелились по воздуху, мы насыщались присутствием друг друга, зависнув в воздухе.

Глаза закрылись, а потом вдруг обнаружили, что мимо пролетают тоненькие яблони с крупными красными плодами, и вот оно – гранатовое дерево. Я не успела сказать, чтобы мы остановились, но эти твердые кровавые капли-сосуды, от вида которых щиплет под языком, так впечатались в память, что всплывают перед внутренним взором даже при слове «мотоцикл».

Море убежало, мы ехали в город, в гору, в облака. Возле средневекового городка Тореллы-де-Монгри, близ Л'Эстартита, есть три округлых горы и древний замок, расположившийся на средней. Солнце проснулось и вспомнило, что ему нужно жарить.

Замок был большой, старый и совершенно очаровательный. Но, если честно, мороженое из мини-холодильника было лучше. Может быть, потому что мы облизывали его на двоих: каждый со своей стороны. Болтали, как в фильме «Особенности национальной охоты», где финн по-фински, а русский по-русски, и беседа жива. Мне казалось, мы обсуждали «Выживут только любовники» Джармуша, и оба наслаждались воспоминаниями об этом двухчасовом экстазе.

– Я закончил работу, скоро уеду. Но могу немного остаться, хочешь?

– Ай донт ноу.³⁸

Я и правда не знала. Тянуть всё это великолепие не имело смысла. Мы бы не поженились, а удовольствия было сполна. Он встал напротив:

– Я хочу остаться с тобой хоть ещё немного.

– Уедешь ты или останешься – я всё равно буду счастлива, это не зависит от тебя. Это не зависит ни от места, ни от вещей, ни от людей. Это зависит только от меня. Понимаешь?

Он уехал завтра. Он, наверное, понял, хоть я и говорила по-русски.

³⁸ Я не знаю.

3. Трамонтана

«Кукурузные поля, посаженные рядами, сводят с ума, мелькая на скорости. Мне нравится выражение «сводит с ума», это не о болезни, а о возможности чистого чувства без вмешательства холодного разума.

Солнце проливается прямо в сердце», – я пишу это в блокнот и улыбаюсь: «Еду в Жирону, у меня выходной».

Странно, но как только я узнала, что он уехал, в груди стало ветрено, будто разрушилась какая-то стена, что ли. Или выпал кусочек, и дыра стала разрастаться. Но потом пришло облегчение: больше не будет этого муторного, непонятно к чему ведущего сладостного томления, что забирает так много чувств и мыслей. Мы не обменялись контактами и вряд ли увидимся когда-нибудь. Но мужчина, который знает и чувствует, куда я пойду в этот вечер, и непременно окажется там же в моё время, запомнится мне надолго, хотя между нами и не было близости.

Ветер родился не только в моей душе. Пришла каталанская Трамонтана, та, что с ног сшибает, что кувырком гонит мусорные баки по пустым улицам, что теребит волосы так неистово, что выдувает напрочь все мысли.

Город опустел. Море не влечёт туристов, оно уже не тёплое, но красивое и кипучее. Сейчас сюда едут отдыхать только пенсионеры, которым не нужно плавать. Все кафе закрыты, сиеста длится дольше, машины стоят мертвым грузом, можно идти по дороге с закрытыми глазами и стопроцентно остаться живой. Октябрь.

Наверное, я была слишком задумчивой в этот день. Сосед-травокур как-то особенно внимательно расспрашивал о жизни, а потом: «Уно моментно»³⁹, – и вышел с трехкилограммовой коробкой длинного апельсиново-лимонного жевательного мармелада и большой пачкой маленьких ягодных мармеладок.

– Но-но, грасьяс.

– Но паса нада.⁴⁰ Я работаю на конфетной фабрике, это с работы.

– Мадрэ миа, ме густо мучо!⁴¹

Обмен любезностями, и у меня конфет столько, что на Октябрь точно хватит. Сладкий октябрь.

Октябрь 17-ого. Знакомо? Так в Каталонии прямо с первого числа началось. Захотели отделиться от Испании, пошли на референдум. Собирались весь сентябрь, а Мадрид возьми, да и откажи в последний момент. Люди всё равно вышли голосовать, приехала испанская полиция в десять из ста пятидесяти пунктов и начала разгонять народ. Не самыми демократичными методами: резиновыми пулями и дубинками, оттаскиванием за волосы и пинками. Сидя в Л'Эстартите, мы слышали, как в шестикилометровой дальности, в Тороэлле-де-Монгри, шумел возмущённый народ.

Третьего октября шла всеобщая забастовка. Даже в нашем маленьком городке не работало ни одно заведение. Я вспомнила 90-е, забастовки в России из-за того, что не давали зарплату. Дома тогда было особенно приятно: родители отдыхают в будний день, это как праздник, хоть вы и едите рис уже целых два года, а всё потому, что папе дали целый мешок (или несколько) этого продукта вместо денег.

³⁹ Секундочку.

⁴⁰ Нет-нет, спасибо. Ничего-ничего.

⁴¹ Мамочки! Мне очень приятно.

Здесь всё прошло довольно тихо, только вертолеты сверху навевали неприятные ощущения: накануне я прочла о гражданской войне в Каталонии в 30-е годы прошлого века. Видимо, каждые сто лет они хотят отделиться от Испании. Из неприятностей – разбили несколько бутылок в магазине, который работал, пока все протестовали. В остальном город был тих, словно мёртв, закрытые окна лавочек казались чуть угрюмее в этот день, дети чуть тише, море чуть спокойнее.

Терпеть не могу туристические автобусы. Я махнула в Барселону в выходной, чтобы первый раз заглянуть в этот омут креатива. Пожить там придётся в ноябре.

Ненавижу туристические автобусы. Вивьен – круглая бельгийка, гид, который знает пять языков и ни одного русского, понимала мой английский на пятёрочку. Но я её английский – не особенно.

Не люблю туристические автобусы. Всю дорогу блевал малыш и безобразничали старые немки: кричали, смеялись, кашляли и пели, шутили, пинали в кресла, даже клочок волос мне выдрали, хватаясь за сидение сзади. Неужели мир действительно жалуется на русских туристов?

Ни один европеец не обернулся на старушек, только я, округлыми глазами. Остальные смущенно улыбались мне, типа: «Ну, что поделать, деточка, это – немцы». Никакой национальной розни, ни в коем случае. Просто факт.

В соседнем ряду на моем уровне сидел хромой и рыжий англичанин-груша с худощавой лошадьё-женой. Оба очень приятные, кстати, несмотря на сравнения. Мы улыбались друг другу и периодически перебрасывались фразами.

Первое, что я сделала по приезду в Барсу – потерялась. Вышла на Пласа де Испания и отправилась навстречу прекрасному. Там этакий Казанский (только испанский) собор на горе, окруженный фонтанами и монументальными постройками с видом на город.

Обернулась – автобуса и след простыл. Звоню Виви. Прокуренный голос со смехом объясняет много и быстро.

– Ай донт андэстенд.

– Уна и медиа.

– Си, ай вейт.⁴²

Полтора часа? Или в час с половиной приедут за мной? Пойду гулять, о, туалеты бесплатные, слава тебе...

Красиво, но волнительно. Так, вот метро, если что, до Л'Эстартита доберусь до ночи точно, на автобусе через Жирону. Нормально. Спустишь-ка пораньше. Мой автобус? Что?

Вивьен встретила меня хохотом старого моряка.

– Лисен беттер, гуапша!

– Лисен гуд, андестенд бэд!

– Халф, халф!⁴³

Полчаса? Ну да, она сказала «медиа»⁴⁴. А причем уна⁴⁵? Ладно, это же я. Минуты, видать кто-то купил даже без моего ведома.

Поехали. Все гуляют, я сижу в автобусе, чтоб не убежал. Дрёма навалилась на меня толстым пузом, прикрывая жаждущие прекрасного глаза. Следующий пункт остановки – чудес-

⁴² Я не понимаю. Час с половиной. Да, я жду.

⁴³ Слушай лучше, красотка! Слушаю хорошо, понимаю плохо! Половина, половина!

⁴⁴ половина

⁴⁵ Один.

ный сад на вершине горы (Вивьен объясняла мне, складывая руки над головой, хотя я знаю, что такое «монтанья»⁴⁶).

Музыка, отовсюду музыка. Мужчина пел хоромым голосом. Хоромым... Просто захотелось сразу сказать и «хороший» и «бархатистый» и «с хрипотцой», но самое подходящее слово – это хоромый. Пел о любви, о глазах, о сердце и грусти – эти испанские слова я хорошо понимаю и сразу слышу.

Барселона сверху – не лучшее зрелище. Лишь прорезающие мутно-желтое месиво пики Саграды или башенки замков дают какую-то надежду среди этого пресного сухого кушанья для глаз.

Отправились в Саграду Фамилия – главную достопримечательность города. Вчера мне не хватило билета, чтобы сегодня попасть внутрь – всё разобрали, потому что слишком поздно обратилась в агентство, но для этого будет ещё время. Я побрела гулять кругом. И ожидала «красную» площадь в преддверии церкви и шикарный обзор, а получила гигантскую махину, заключённую в тюрьме домов и парков, окольцованную вечными строительными лесами и утыканную со всех сторон туристами.

Несмотря на это, достопримечательность впечатляющая, и когда ты стоишь, вперясь взором в статую, выглядывающую из мрачной части строения, все без претензий довольно тихо обходят тебя стороной, не трогают, ибо понимают, «о чём ты», ведь сами только что оттаяли от этой магической заморозки.

Меня толкнул здоровяк.

– Айм сорри!

– Но паса нада!⁴⁷

Загорелый парень начал фотографировать группу людей:

– Ай хэв э гёрлфренд!⁴⁸ – сказал он, указывая кивком головы на меня.

Я решила не реагировать на выпад, стою, смотрю на пики, издрявленные архитектурными изысками.

– Кен ю хелп ми, плиз?

– Йес, оф корс.

– Уан фото, плиз.

– Но проблем.

– Сенкью!⁴⁹

Я отдала телефон, сделав пару десятков фотографий, но потом вспомнила, что у меня нет ни одной фотографии с Барсой.

– Кен ю...

– Йес!⁵⁰

Ух, надеюсь, выйдет нормально.

– Фото виз ю, плиз?⁵¹

Почему бы и нет?

– Я Давид, а как зовут тебя?

– Карина.

– Откуда ты?

– Россия, а ты?

⁴⁶ Гора.

⁴⁷ Извиняюсь! Ничего страшного.

⁴⁸ У меня появилась девчонка.

⁴⁹ Можешь помочь, пожалуйста? Да конечно. Сфотографируй, пожалуйста. Да без проблем. Спасибо.

⁵⁰ А не мог бы ты... Да!

⁵¹ Сфотографируемся вместе?

- Ого, Россия, это очень холодно, да? Я из Панама.
- Вот это да! Это очень тепло.
- Надолго ты в Барселоне? – говорить с Давидом из Панама было почему-то весело.
- Один день, а ты?
- Пять. Ты есть в фейсбуке?
- Ага, вот я. Извини, мне нужно идти, я приехала на туристическом автобусе.
- Конечно, конечно, было приятно познакомиться!
- И мне тоже, удачи.

Надо успеть купить безделушек своим. Забегаю в первую попавшуюся лавку:

- Поланд?
- Русо!⁵²
- Для тебя все со скидкой!
- Но почему?
- Потому что у тебя красивые зелёные глаза.
- И правда сделал скидку в 30%. Хорошо быть русо⁵³ в Испании.
- Можно фото с тобой? Ун фото?
- Порке?⁵⁴
- Ты очень красивая.
- Тогда на мой телефон.
- Нет!
- Ну ладно, и на мой телефон тоже.
- Без проблем.
- Пока!
- Целую!

Виви уже названивала мне, сияя красным флагом с обеспокоенным лицом возле назначенного кафе. Я не стала отвечать, а подошла говорить:

- Я – проблема, да?
- Нет-нет, всё отлично, ждем ещё троих.
- Фото?
- Конечно, красотка!

Естественно, не проблема. После случая на пласа де Испания я перед каждым выходом из автобуса муржила англичанина-грушу, который терпеливо объяснял мне, сколько дается времени на ту или иную площадку. Я записывала, что услышала, в электронный блокнот, показывала ему, и только убедившись в правильности своего понимания, отбывала.

Мы потеряли троих. Автобус уже выгоняли со стоянки, потому что время наше истекло, а Виви всё не находила пропавших. Мы стали отчаливать без них, и тут я увидела такого красивого мужчину, прямо как в кино: небрежная сексуальность, поволока в тёмных глазах и такие длинные пальцы... Он задержался в зелени моего взгляда, но автобус отчалил. Мы дали круг и вернулись, мужчина был на месте, он подошёл к автобусу, но постовой показал водителю уезжать. Виви запрыгнула в салон:

- Отбываем без них.

Как это страшно, подумала я: отправиться в путешествие на безопасном автобусе и потеряться среди большого города. Впрочем, пару часов назад со мной было нечто похожее, и всё нормально закончилось, а если бы и нет, я бы добралась до дома без труда.

⁵² Полячка? Русская.

⁵³ Русской.

⁵⁴ ...одну фотографию. Зачем?

Мужчина так и остался стоять там, я обернулась и увидела эту незнакомую склоненную набок чёрную голову, наверное, в последний раз в жизни. Жаль.

По пути мы взглянули на дом Бальо и дом Мила, но снова меня накрыл сон, я еле разлепляла килограммовые веки, чтобы схлопнуть глазами настоящее здание, заместившееся тут же другим, из подсознания. Во сне я приехала в Техас, в небольшой жёлтый дом, жить на полгода.

Пустыня, кактусы, всё как надо. Я должна была участвовать в квесте, мой куратор – хорошо сложенный мужчина тридцати двух лет, с жестким лицом и бритый под 0,7, в военной форме и бронежилете. Спустя полчаса игры я поняла, что топор в палатке (откуда-то взялся палаточно-военный городок) стоит здесь не просто так, а мой куратор – настоящий маньяк, и мне скоро придётся погибнуть тут в Техасе, а я бы хотела не в Техасе и попозже.

Странно, но во сне я никогда не умираю. За минуту до падения, или до того, как пуля долетит до глаз, или до того, как пила распилит меня, или (поводов для смерти всех не перечислить), я просыпаюсь, словно у меня покупают именно эту минуту.

Помучив грушу с его женой у автобуса, я наконец отчалила на сорокапятиминутную одинокую прогулку. Зашла в замок, в котором расположился музей, но мне нужна была лишь дамская комната, и отправилась к порту, превозмогая страстное желание обняться с лавочкой и укрыться палантином.

Мне повезло, как и всегда на одиноких прогулках. Посреди площади стояло несколько палаток: блошинный рынок. Кладёзь историй и фрагментов чужой жизни, которую можешь присвоить себе, кусочки жизни за монетку. Мне нравились чьи-то эскизы, старые компасы и книги с яркими испанскими обложками и зацепил выглядывающий из стопки чего-то портрет Фриды Кало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.